

Искусство большого художника

Уже первые выступления Н. Черкасова в роли Дронова в спектакле «Все остается людям» на сцене Ленинградского театра им. Пушкина оказались явлением чрезвычайно примечательным. Казалось, что Черкасов и превосходный исполнитель той же роли на сцене МХАТ В. Орлов — каждый по-своему полностью исчерпал предоставленный автором драматургический материал. Дронова на сцене Черкасов играл порою откровенно публицистически, остро, с рядом отлично найденных характерных деталей. Его выступление в кино совсем не повторяет спектакля. Мы вновь увидели Дронова, но это и тот и не тот Дронов.

Он стал углубленнее и строже. Как будто актер убрал из образа все случайное, оставив только самое драгоценное и обогатив его еще большей силой переживания. Вместе с режиссурой (Г. Натансон) он не пренебрег ни одним из преимуществ, предоставляемых кино (крупный план, в частности), не потеряв ничего из счастливо приобретенного и добытого упорной работой в театре. Замысел стал яснее, точнее и убедительнее. Мы по праву можем сказать, что это новое создание Черкасова — подобно тому, как в результате упорной и многолетней работы над какой-либо классической ролью актер доходит до предельных глубин образа.

Вместе с тем не только образ, но и сам Черкасов предстает в этой роли иногда в совсем новом для себя качестве. Мы всегда знали и ценили любовь Черкасова к характерности и его неисчислимо изобретательность в поисках все новых и новых путей к перевоплощению. Порою это стремление к неприменной внешней «непохожести» более всего увлекало и дразнило актера. В этом образе как раз очень мало этого «внешнего» перевоплощения. Черкасова очень легко узнать в этой роли, но вместе с тем тщательный отбор приспособлений заставляет через несколько мгновений забыть о Черкасове и видеть только Дронова. Мы знали, что несколько суховатый, только ему свойственный юмор и ирония бывали часто одним из его разительных и непобедимых приемов. Мы знали порою то парадоксальное сочетание различных качеств, которое при-

давало неповторимую и неожиданную прелесть его исполнению. Он отнюдь не лишился всех этих качеств, принадлежащих его актерской индивидуальности, но он как бы обогатил их и властно подчинил себе.

Есть эта дерзкая и озорная ирония и в Дронове — в

деловит, очень деловит: в нем так и чувствуется умный организатор и тактик.

Он порою дает как бы портрет Дронова, показывая его с разных сторон — то наслаждающимся на рыбалке, то вдыхающим прелесть весеннего вечера. Его Дронов любит и умеет жить.

Кадр из фильма «Все остается людям». (Студия «Ленфильм»).

том, как он лукаво говорит с медсестрой, напрасно скрывающей правду о его здоровье, и в том, с каким уничтожительным презрением выгоняет он из дома своего любимого ученика наглого и черствого чинушу. Но как никогда эта ирония вырастает из горького знания жизни, из печального сознания, что еще существует ненужная наивность в людях и — что намного хуже — карьеризм, бездушие.

Есть уверенная легкость в его игре: она идет отнюдь не за счет глубины. Напротив, Черкасов говорит об очень глубоких вещах осторожно, неназойливо, как будто боясь оскорбить целомудренность искусства, но одновременно чрезвычайно искренне и пылливо. Изображая Дронова, он как бы наносит окончательный удар еще недавно бытовавшему на сцене штампу рассеянного и неряшливого профессора в круглой академической шапочке. Его Дронов подтянут, строен, даже шеголеват. У него прямая, стремительная походка. Он смотрит на окружающее радостно и пылливо, у него жадный взгляд и широкий, решительный жест. Он ходит по земле ревнивым хозяином, и нет ни одной мелочи в его институте, которую он не заметит. И в то же время Дронов

У Черкасова открывается щедро и ласково лирическая струя, когда с такой нежной вздорностью и с такой трогательной иронией говорит он со своим учеником и когда внезапно этот до конца сдержанный человек обнимает спасенного им от самоубийства ученика или когда сидит он, полуобняв свою жену, и проглядывает близость и неизбежность смерти в его все понимающих глазах.

Что-то непримиримое — и тогда жестокое, решительное — сквозит в его Дронове, когда он встречается со злом и несправедливостью: он как бы внутренне ощеривается. Теплый и доверчивый, Дронов становится тверд и замкнут, когда видит, что его любимая ученица поступила по-человечески плохо и бестактно. Черкасов — мастер таких переходов и переливов чувств: он их не боится, а наоборот, их раскрывает и актерски ими наслаждается.

Сюжетно как будто посвященная смерти ученого пьеса С. Алешина превращается (само собой, это лежало и в замысле автора) в торжество жизни, хотя в исполнении Черкасова нет никакого бедрячества. Черкасов играет борьбу со смертью человека, который знает не только неизбежность, но и близость смерти — и не прячется от нее.

Он играет трезво, очень трезво, без каких-либо украшательства, играет мужественно, очень мужественно.

Качалов сказал перед смертью: «Умирать не страшно, но и не любопытно». Что-то от качаловской мысли есть в Дронове-Черкасове. Он смотрит в глаза смерти открыто, сознательно, одновременно ненавидя и не принимая ее. Он не бросает ей вызова, для этого Дронов трезво смотрит на бытие. Он иронизирует не над смертью, он иронизирует над наивно заботливыми попытками скрыть от него правду, а знание придает новую силу его решимости довести до конца поставленную себе научную задачу и передать ее людям. Дронов умирает тихо, и Черкасов делает это, совсем не интересуясь натуралистическими деталями изображения смерти. Его герой умирает твердо убежденный в судьбе своего открытия — «все остается людям».

Примечательно, как он ведет беседу со своим другом священником (которого, кстати сказать, блистательно играет А. Попов), и в нем все время сквозит личное уважение к этому высокому, красивому, достойно держащемуся, искренне верящему человеку с растерянными глазами, упорно защищающему свои позиции. Черкасов выслушивает его внимательно и строго: но какая-то внутренняя ирония, смешанная с чувством сожаления, не покидает Черкасова: он и любит своего друга, и полностью и властно опровергает его самые разительные доводы, и искренне тоскует, потому что сила этого талантливого друга растрачивается понапрасну и безрезультатно; и все растерянее становятся глаза А. Попова, и все больше сомнение и недоумение охватывают его перед демонстрацией той внутренней силы и подлинной веры, которой охвачен Черкасов.

Если искать подлинное зерно образа, данного Черкасовым, то оно заключается для меня не только в определении «борца», а в том, что Черкасов играет завоевателя жизни.

Эти строки написаны в связи с выдвижением Николая Константиновича Черкасова за исполнение роли Дронова на Ленинскую премию, которая им полностью заслужена.

П. МАРКОВ.

Правда, 1964, 1 февр.